

Алексей
КАЗАКОВ

г. Челябинск

СОЛОВЕЦКИЙ КАМЕНЬ Дмитрия Лихачёва

...Беломорская осенняя волна, тяжело вздымаясь, ударяла об углый борт старого баркаса, рассыпаясь тысячами брызг, откатывала назад и с удвоенной силой вновь настигала нас. При каждом таком набеге волны паломники творили молитву, веря в силу соловецких заступников. «Да и то сказать, на праздник идем, Покров завтра», – с чувством произнес стоящий рядом молодой монах из Сергиева Посада. И все с надеждой всматривались в холодную морскую даль, на горизонте которой едва стали обозначаться очертания манящих сказочных Соловков. Вспомнились слова художника М.В. Нестерова: «Не бойтесь Соловков. Там Христос близко». Остров этот давно влек меня: шесть веков большой русской истории – слишком притягательная сила для каждого, кому дано слышать гул Времени. И там, в бухте Благополучия, у валунных стен башен Соловецкого кремля, прочиталась и ссыльная драматическая судьба молодого Дмитрия Лихачева, доставленного на чудесный остров под конвоем в тюремном трюме монастырского парохода вместе с сотнями других заключенных в такие же дни осени 1928 года...

Его университеты

Век жития и научных трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева (1906–1999) возвращает нас в прошлое столетие. Разрабатывая тему древнерусской литературы, академик Лихачев углублялся в прошлое Руси до X века, ощущая себя человеком времени «Поучения» Владимира Мономаха, помня завет предков: «Старья чти яко отца, а молодья яко братью».

В книге Лихачева «Без доказательств» есть такая мысль: «Историк, который изучает источники, пьет живую воду. Тот, кто бездушно пользуется чужими выводами, пьет мертвую воду».

Пить живую воду его приучили с детства, когда учился в родном Петербурге в гимназии Человеческого общества на Крюковом канале, затем в реальном училище К.И. Мая на 14-й линии Васильевского острова, в школе Лентовской, в стенах Ленинградского университета. Потомственный интеллигент, Дмитрий Лихачев с юных лет впитал в себя ценность подлинного чувства и внутренней духовной жизни родного города на

Неве. «Родиноведение» Лихачева оттуда: от первых уроков словесности учителя Леонида Георга, от милых семейных радостей, от посещений букинистических ларьков и вербных базаров в старом Петрограде где-нибудь на Конногвардейском бульваре, от памятного запаха свежееотпечатанной книги в Первой государственной типографии (бывшем печатном дворе), от поездок в пригородную Куоккалу, где «рельсовый путь уходил в бесконечность»...

Послеуниверситетская пора – начало иной действительности духовного бытия Дмитрия Лихачева. Сразу две дипломные работы (о Шекспире и древнерусских повестях), работа в Фонетическом институте иностранных языков и в Книжном фонде на Фонтанке, 20, хождения на диспуты и лекции, личное общение с мэтрами словесности А.И. Введенским, В.М. Жирмунским, В.К. Мюллером, В.Е. Евгеньевым-Максимовым, Е.В. Тарле...

«Угрюмым символом» биографии Лихачева явился соловецкий период его многотрудного жития. «Космическая академия наук», доклады, семинары, подготовленные молодым Лихачевым и его друзьями в поднебесных питерских мансардах, послужили причиной ареста кружковцев-«академиков» 8 февраля 1928 года. Тюрьма и отправка на Соловки (Соловецкий лагерь особого назначения – СЛОН, позднее СТОН – тюрьма особого назначения). Казалось, сама русская история, с ее узлами-завязками бытия, ниспослала Лихачеву обязательное испытание в далекой северной обители, тесно связанной с именами Филиппа Кольчева, патриарха Никона и многих других безымянных узников-обетников и трудников, не поладивших с державной властью...

И всегда, во все времена, на протяжении столетий, на монастырских стенах Соловецкого кремля – ксанторрея, пламенеющий лишайник, характерный лишь для северного климата и выступающий повсюду кровавыми пятнами...

Пройдя крещение Соловками, Д.С.Лихачев вновь обратился к научной теме древнерусских сказаний, придя в 1938 году в знаменитый Пушкинский дом (Институт русской литературы Академии наук СССР) в сектор древнерусской литературы, в котором работали в разные годы известные филологи А.С. Орлов, В.П. Адрианова-Перетц, И.П. Еремин, М.О. Скрипиль, В.И. Малышев. Посвятив себя изучению классических образцов-памятников литературы X – XVII веков, Дмитрий Сергеевич Лихачев открыл в отечественной культуре целое духовно-эстетическое направление, определив своими трудами совре-

менное национальное самосознание и самопознание образа человека Руси-России в прошлом, настоящем и будущем. На одном полюсе его исследований – «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Задонщина», а на другом – Пушкин и все последующее культурологическое наследие России, вплоть до авангарда, всего того, что устремлено в наш XXI век, в будущее!

Огромен общественно-политический облик личности академика Лихачева с его оригинальными духовными просветительскими начинаниями: создание Советского фонда культуры, издание журнала «Наше наследие», всевозможных эстетических акций, имевших в основе своей нравственное начало, будь то защита от гибели в пожаре книжных фондов библиотеки Академии наук или поучительные для многих выступления о выразительности русского языка и о памяти искусства...

Само житийное существование Лихачева в пространстве Выборгской стороны, любимом месте прогулок Александра Блока и топографических узнаваний-привязок в его поэзии («Незнакомка», «Двенадцать»), говорило о родовом участии с окружающей природной средой, где сам Дмитрий Сергеевич был органичной частью социально-творческой биографии Петрограда – Ленинграда – Санкт-Петербурга...

Совершенство личности Д.С. Лихачева слышалось и в его голосе-проповеди, когда необходимо было утвердить «Декларацию прав культуры» в масштабе ЮНЕСКО. И в том глазе зримо была видна поучительная польза душе каждого, «ибо кто часто читает пророческие беседы, и евангельские, и апостольские поучения, и жития святых отцов, получает душе великую пользу» («Повесть временных лет»).

«Я воспринял Соловки... как святое место»

Мне довелось общаться с Дмитрием Сергеевичем на протяжении семи лет (1992–1999): в Москве, в фонде культуры; в Питере, в Пушкинском доме; у него на даче в Комарово. И всегда в разговорах так или иначе возникала тема Соловков. По просьбе Лихачева я готовил к изданию сборник стихов «Каменные цветы» его друга-сокамерника в соловецком узилище Владимира Кемецкого (Свешникова). «Это был великолепный поэт! Он вернулся из эмиграции из Парижа, но совершенно не совладал с нашей тогдашней действительностью – говорил, что ему

вздумается, писал, что ему вздумается... И вот он в альманахе «Соловецкие острова» (издавался такой у нас) печатал свои прекрасные стихотворения», – рассказывал Дмитрий Сергеевич. В архивах я нашел те стихи, напечатанные на страницах «Соловецких островов». Вот одно из них:

Перед навигацией

*...Еще бесплодный снег мертвит поля,
Расстаться море не спешит со льдами,
И ветер ходит, ходит резкими шагами
Вдоль ржавых стен угрюмого кремля.*

* * *

*Гудок желанный услышать, для нас
О воле приносящий весть, быть может...
Но все молчит. Лишь чайка мглу тревожит.*

О своей встрече с Соловками Д.С. Лихачев вспоминал так: «Этапную партию собрали большую... Через три дня мы прибыли в Кемь, и конвой снова стал груб. Ветер, снег, низкие строения Кемперпункта. Пошли. Дорога у воды. Поразил ландшафт: огромный, огромное серое небо, свинцовые тучи, ветер, холод. Казалось, природа неизмеримо сильнее человека. Щелкают затворы у винтовок конвоиров – чтобы пугать. В утреннем полусвете стал виден мол, и оттуда, где должен был быть виден Остров, шел пароход – «Глеб Бокий»... Утром собирали партию заключенных для отправки на Соловки. Спихивали по очереди в трюм. Ругались. Море, камни. Скрывающийся берег материка. Навсегда ли? Пароход резал волны, ставил волну к борту, бил волну в брызги. Появление Секирки. Появление монастырских стен. Остров казался страшно большим. Нас снова запихнули в чрево «Глеба Бокия» (этот живой человек, в честь которого был назван пароход, – людоед, главный в той тройке ОГПУ, которая приговаривала людей к срокам и расстрелам). По шуршанию льда о борта парохода мы поняли, что подходим к пристани. Вывели нас на пристань с вещами, построили, пересчитали. Потом стали выносить трупы задохнувшихся в трюме: стиснутых до перелома костей... После бани вернули одежду, пропахшую серой. Повели к Никольским воротам. В воротах я снял студенческую фуражку, с которой не расставался, перекрестился. До того я никогда не видел настоящего русского монастыря. Я воспринял Соловки, кремль не как новую тюрьму. А как святое место...»

Каменный автограф

...**В**Кемь я приехал ранним промозглым осенним утром. Было темно. На вокзале я спросил у дежурной: «В какой стороне Белое море, далеко ли от станции?» Выяснилось, что надо ехать километров десять на Рабочий остров, бывший Поповский, как узнал я позже. Поймал машину и доехал до пристани, где провел время до полудня. Навигация давно закончилась, и вся надежда была на частный катер. К счастью, удалось найти такой. К тому времени подобралась небольшая группа паломников, среди них монахи монастыря. Кемь – ближайшая точка к Соловкам, отсюда до острова три часа ходу. Отплывали от пристани, где с 1923 года был пересыльный пункт для заключенных. Вблизи, как привидение, виднелись декорации для съемок фильма П. Лунгина «Остров». Под ногами то и дело путалась лагерная колючка сталинских времен...

В Кемь меня вела дорога из Москвы, побывал там в штаб-квартире всероссийского общества «Мемориал», где и услышал (прошел некий неясный слух) о том, что на Соловках якобы отыскивали «камень Лихачева». Об этом загадочном камне в свое время я слышал от самого академика, читал в его мемуарах. Но все же мало верилось в его существование. С этим чувством неуверенности в услышанном я и поехал в сторону Соловков...

Из «Воспоминаний» Д.С. Лихачева: «...В 1931 году появился Владимир Юлианович Короленко... В сущности, мы знали о нем только два факта: что приходился он писателю В.Г. Короленко двоюродным братом и что был он по профессии юристом... Он тоже любил мальчишеские забавы.

...У Владимира Юлиановича приговором был расстрел с заменой десятью годами... Мы решили увековечить свое пребывание на Соловках. Короленко достал молоток и зубило, и мы отправились в лес по Муксаломской дороге искать подходящий камень, чтобы выбить наши фамилии. Камень нашли направо от дороги. Местность была холмистой. Холмы были длинные, и между длинными холмами тянулось длинное узкое озеро. На самой высокой точке одного из холмов лежал валун... Работа была тяжелой. Были мы там дважды. Успели выбить: «Корол» – сверху и «Лихач» – снизу, величина букв примерно с ладонь... Когда в последний раз я вернулся в кремль, я узнал, что меня вызывают на этап... Очень я жалел, что не удалось нам добить наших фамилий, и просил закончить работу Владимира Юлиановича

ча. Впоследствии он сообщил мне через кого-то на Медвежью Гору, что надпись закончил».

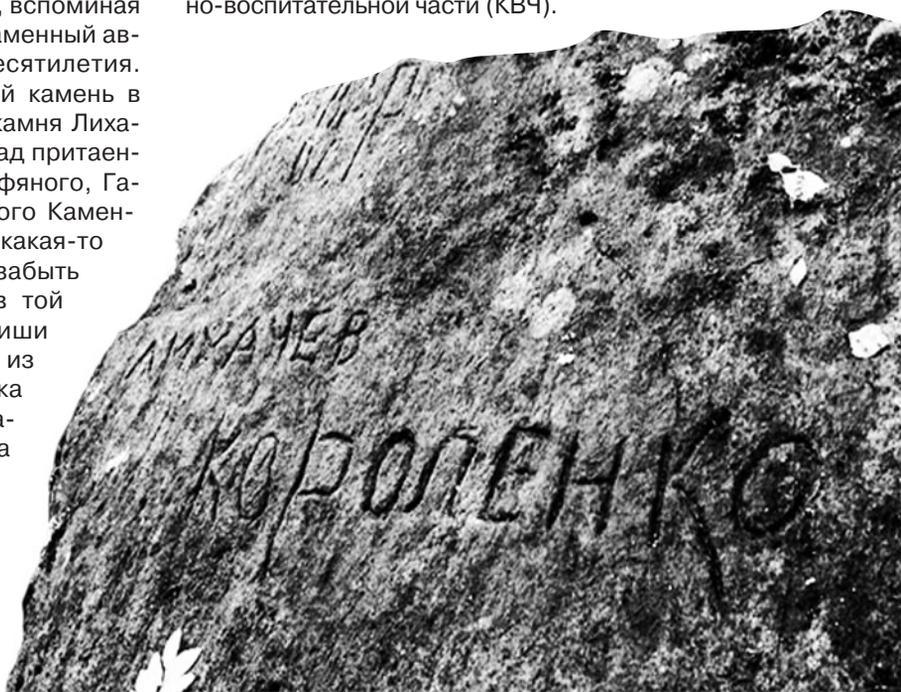
В результате длительной поисково-исследовательской работы, проведенной сотрудницами Соловецкого музея-заповедника М.А. Луговой и О.В. Бочкаревой, «камень Лихачева» был обнаружен 26 сентября 2004 года. Выяснилась и неточность: надписи были расположены наоборот: Лихачев – сверху, Короленко – снизу, а сам валун находился не направо от основной дороги, а слева, если идти по направлению к острову Большая Муксалма. Все это мне пришлось выяснить самостоятельно, так как никто не пожелал показать дорогу к памятному камню. Два дня я потратил на самостоятельные поиски – на Соловках почти 500 озер и десятки тысяч подобных камней. Я уходил по ложному следу вправо, попадал на клюквенные болота, наткнулся на лагерную колючку, беспрестанно напомиравшую мне еще с Кемской пересылки о бывших островных лагпунктах... В глухом лесу и спросить-то было не у кого. Я знал лишь одно: мне надо было отыскать Большое Каменное озеро, хотя бы тропу к нему. В итоге: на расстоянии трех километров по основной дороге и почти километра по глухой лесной тропе, по обе стороны которой, как оказалось, находятся озера (несколько!), преодолев лесной небольшой ров, я наконец-то вышел на вершину того самого холма, ставшего поистине голгофским, где и лежал огромный валун, весь покрытый изумрудным мхом. Интересно, что надписи, выбитые 75 лет назад, расположены с тыловой части камня, с тропы их не видно, можно пройти мимо и не заметить... Долго стоял я у того валуна, вспоминая Дмитрия Сергеевича, глядя на его каменный автограф, сохранившийся сквозь десятилетия. Невольно вспомнился и Соловецкий камень в Москве, на Лубянке, родной брат «камня Лихачева», высещающегося в лесной глуши над притаенными зеркалами близких озер: Торфяного, Гагарьего, Малого Каменного, Большого Каменного, Чайки, Беседного... Это была какая-то природная благодать, если вдруг позабыть историю лихачевского камня... И в той царственной благословенной тиши пришли на память слова Богоматери из рукописного Соловецкого патерика XVIII века: «Сия гора отселе будет называться Голгофою... и убелится она страданиями неисчислимыми».

Жертвы и палачи

Как сказал погибший здесь, на острове, казахский просветитель, поэт и математик Мир-Якуб Дувлатов (1895–1935): «Соловки – это святая Мекка, ставшая обителью человеческой жестокости».

*Перестань, соловецкий ветер,
напевать и шалить от скуки!
Догорает янтарный вечер,
заломив усталые руки.
Пригорюнились стройные ели,
призадумались черные сосны
И тоскливо-тоскливо запели о том,
что было так просто...
Знаю правду закона стального,
но зачем она так ужасна?
Утомленное небо заснуло,
утомленное небо прекрасно,
И купаются белые чайки
в окровавленных зорь янтаре.
Этой ночью расстреляно сердце
на высокой Секирной горе.*

Эти стихи написала соловецкая узница с десятилетним сроком Наташа Андреева. Ставшая невольной наложницей начальника Соловецкого лагеря Дмитрия Успенского, прожившего долгую жизнь палача (1906–1989), кстати, ровесника Лихачева. Сын священника, Д.В. Успенский убил своего отца из чувства «классовой ненависти» – ему дали небольшой срок, и на Соловках он вскоре становится вольнонаемным начальником Культурно-воспитательной части (КВЧ).

По рассказу Д.С. Лихачева (фильм «Власть Соловецкая», 1988), Успенский лично расстреливал приговоренных к смерти – за это стремление лично участвовать в казнях заключенных его называли «палачом-любителем». Позднее работал замначальника Беломорско-Балтийского канала и начальником Белбалтлага. Дослужился до полковника МВД и был пенсионером союзного значения. В период ежовщины Успенский еще раз доказал свою верность партии, не пожалев своих жены и детей. Наташа Андреева была арестована, в тюрьме она родила ребенка, которого сразу у нее забрали, вскоре и она исчезла. Своих старших детей Успенский отдал в детский дом, будучи к тому времени начальником Управления эксплуатации канала Москва – Волга...

Как-то в разговоре Дмитрий Сергеевич заметил: «Я видел и вершителей судеб, и их жертв. И жизнь повела меня по путям, которые шли ближе к жертвам, чем к их губителям».

...Свое хождение по соловецким тропам я продолжил по всем памятным местам, о которых когда-то рассказывал мне Дмитрий Сергеевич. Своды кремля, Савватиевский скит, Макариевская пустынь, Муксаломский скит, Анзерский скит, Голгофо-Распятский скит, Свято-Вознесенский скит на горе Секирной...

Идя по лесным просекам Соловков, я проходил те же пути, что прошли сотни заключенных, которым предписывалась роль бессловесных животных. Например, на заготовку дров лошадей не давали, а посылали так называемых «вридло» (временно исполняющих должность лошади!). На эту работу назначали только вполне здоровых, не старше 40 лет людей. Каждая группа из пяти человек, впряженных в сани веревочными ляжками, должна была выполнить норму одной лошади. Довелось поработать в этой должности и молодому Дмитрию Лихачеву...

А стоя у подножия Секирной горы, на вершину которой ведут почти 300 ступеней многоэтажной лестницы, я, конечно, вспомнил известную фотографию, сделанную в 1929 году на этом месте: Магсум Горький с чекистами-расстрельщиками. В «контрольном журнале» писатель сделал запись, восхвалявшую пыточный режим Секирки (в тот же день этот текст был отправлен телеграфом в Москву Сталину), а в очерке «Соловки» он писал о пользе советских концлагерей соловецкого типа, назвав их «раем на земле»... И поныне вокруг Секирки скрыты от глаз безымянные могилы соловецких страдальцев. Не зря М. Пришвин называл М. Горького того времени – «иностранец в России». И добавлял: «Жалкое впечатление...»

Власть соловецкая, захватившая власть советскую, была заложена, конечно, еще в первых декретах и распоряжениях Ленина, расстрельных приказах предреввоенсовета республики Троцкого, экономических обоснованиях Бухарина, заявлявшего: «Пролетарское принуждение во всех его формах, начиная от расстрела и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества...» («Экономика переходного периода»). Трагическая судьба этих горе-теоретиков и «любимцев партии» общеизвестна... А над Никольскими воротами Соловецкого кремля гордо болтался кумачовый лозунг: «Соловки – рабочим и крестьянам!» Такова была цена Октябрьской революции.

Поминальные свечи

В 1931 году Дмитрий Лихачев был этапирован на материк, в Медвежьегорск на строительство сталинского Беломорско-Балтийского канала (ББК). «Я стал работать на канале, в одном из самых ответственных узлов всех работ – диспетчером на железной дороге. И снова люди и люди», – рассказывал Лихачев.

В августе 1932 года его освободили вчистую и он вернулся в Ленинград.

По-иному сложилась судьба его товарищей. Владимир Кемецкий вскоре также был освобожден, но затем арестован и расстрелян в тюрьме Архангельска.

Та же участь постигла Владимира Короленко. Сведения из личного дела: «Короленко Владимир Юлианович (1881–1937), уроженец г. Ленинграда, гражданин СССР, русский, дворянин, беспартийный, юрист, племянник писателя В.Г.Короленко. Осужден за контрреволюционную деятельность, террористическую деятельность КОГПУ от 13.06.30 г. по ст. 58-8-4-11 УК к расстрелу с заменой заключения в к/лагерь на 10 лет. Отбывал наказание в Соловках, заведовал метеостанцией в 1935–1936 гг. Оперативной частью Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР за к/р террористическую деятельность представлен (Дело №103008 – 1937 г.) к ВМН. Особой тройкой УНКВД ЛО – Протокол №83 от 9 октября 1937 года приговорен к расстрелу и расстрелян 3 ноября 1937 года в урочище Сандармох Карельской АССР».

Этого документа Д.С. Лихачев не знал, сегодня он публикуется впервые...

Медвежьегорск до сих пор хранит следы великой сталинской стройки, ББК рядом, в 20 километрах. И по дороге к нему находится страшное место – урочище Сандармох, где уничтожали безвинных людей ежедневно сотнями. При въезде мемориал памяти погибших и плита с надписью: «Здесь, в урочище, месте массовых расстрелов, с 1934 по 1941 год убиты свыше 7 тысяч ни в чем не повинных людей: жителей Карелии, заключенных и спецпоселенцев Белбалтлага, узников Соловецкой тюрьмы.

*Помните о нас, люди!
Не убивайте друг друга!»*

Напротив небольшая часовня, в ней поминальные свечи и огромная книга со списками по алфавиту всех расстрелянных в этом лесу. Нашел я в том списке и фамилию В.Ю. Короленко. Вышел из часовни и увидел море крестов-символов, занимающих площадь в несколько гектаров. Невольно вспомнились строки Н.Рубцова:

*И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях России...*

...Когда-то в Соловецком монастыре хранилась редкая икона XVII века «О тебе радуется...» (ныне в Москве, в Третьяковской галерее), многофи-

гурная композиция которой с центральным образом Богородицы повествует о явном интересе к каждому отдельному человеку как составной части единого государства. Икона иллюстрирует благодарственное песнопение Богоматери, написанное Иоанном Дамаскиным: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, ангельский собор и человеческий род, освященный храм и раю словесный, девственная похвало...»

Символический образ Небесной литургии является отражением миропорядка, где Богоматерь – Царица Небесная – своей всеобъемлющей любовью собирает всю вселенную (толкование Е.Н.Трубецкого).

Не таков ли и философский сюжет почти вековой подвижнической жизни-бытия и деяний патриарха российской словесности Дмитрия Сергеевича Лихачева? Если это так, то понятно, почему через многотрудную жизнь в XX столетии он пронес устойчивую память о своем голгофском Соловецком камне. Память-быль, ставшую в нашем XXI веке почти легендой...

**Соловки – Кемь – Медвежьегорск –
Санкт-Петербург – Челябинск**

□

Алексей Леонидович КАЗАКОВ

родился в 1949 году в Челябинске.

Литературовед, критик, издатель.

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького

и аспирантуру Института мировой литературы

им. А. М. Горького Академии наук СССР.

Член Союза журналистов РСФСР и член Союза писателей России.

Выпустил ряд книг, в частности – о творчестве С. Есенина.

Опубликовал десятки статей и очерков в «Литературной России»,

«Комсомольской правде», «Литературном обозрении»,

«В мире книг» и других изданиях.

Живет в Челябинске.

